

Главный «певец» железной дороги — Андрей Платонов, обожавший железную дорогу, видевший в ней вовсе не символ пути, ведущего в никуда, а символ взаимной любви человека и техники. По существу, техника и железная дорога (и паровоз как главный её элемент) соединяют человека с человеком. Вокруг любви к паровозу строится семейная любовь в «Жене машиниста». Но это скорее исключение из правил.

Все русские писатели XX века так или иначе искали возможность выскочить за пределы сложившейся метафорической колеи. Николай Заболоцкий пишет гениальное стихотворение «Прохожий», видимо, о бывшем заключённом, который идёт от станции вдоль железнодорожных путей, и, как трамвай у Гумилёва, его мысль и душа возносятся над пропеллером, который стоит как памятник погибшему, и уносятся туда, где нет тревоги и есть надежда.

И вот мы подходим к главному произведению. Поэма «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева — это сумма и итог всех символических поисков от игумена Даниила и Никитина до Радищева, Гоголя и «Фрегата «Паллада», и Чехова в степи и на острове Сахалин, а там и гибнущего Живаго, и вольготно путешествующего Битова, и круговоротение «Илиады», и путь Одиссея домой, и поиск Энея. В начале лекции мы говорили, что авторы, начинающие традицию, совсем не знают, что традиция сложится, не подозревают, что её закладывают, но авторы, находящиеся в зените этой традиции, всё прекрасно понимают.

С одной стороны, дорога, по которой едет герой, а с другой — очевидно, что он замкнут в кольцо. Герой хочет увидеть Кремль — и никогда его не видеть. Он едет в Петушки, но никогда в них не приедет. В Петушках его прошлое, которое он хочет сделать своим будущим. В Кремле его настоящее, которое никогда настоящим не станет. Это то самое круговое движение вокруг недоступной цели, которое воспроизводит все ключевые мотивы в русской литературе о странствии: железная дорога, отсутствие цели и её недостижимость, колея, которая не отпускает человека, и даже прямая, превращающаяся в путь. Все мотивы сошлись. Куда мы движемся вместе с героем и что с ним происходит в finale?

«Они пригвоздили меня к полу, совершенно ополоумевшего... — Зачем-зачем?.. зачем-зачем-зачем?.. — бормотал я... Они вонзили своё шило в самое горло... Я не знал, что есть на свете такая боль, и скрчился от муки, густая красная буква «Ю» распласталась у меня в глазах и задрожала. И с тех пор я не приходил в сознание и никогда не приду». Это финал. Поэма о полном отчаянии и о том, про что нам говорят «Заблудившийся трамвай», «Прохожий», — о неразыкаемой колее в пределах земной жизни, выходе из тупика за пределами самой жизни. Пройдя через смерть, герой оказывается там, где и Кремль, и Петушки, и мальчик, знающий букву «Ю», и любовь, к которой он едет, и разговор с каждым из нас поверх пределов жизни и смерти.

Из этого смыслового итога путешествия в русской литературе произрастает очень многое. Что бы мы ни читали из текстов, написанных после Ерофеева, всё становится не так интересно, потому что это вершина, выше не прыгнуть. Он внутри традиции занимает верхнюю строчку.

Быть может, лучшая книга Пелевина — «Жёлтая стрела». Там бесконечная колея, герой должен сойти с поезда, несущегося из ниоткуда в никуда. Сходит в поле — это спасение или новая форма гибели? Весь комплекс, который мы описали, продолжает работать. Фантасмагорическое брожение в замкнутом круге, как у Афанасия Никитина. Колея, которая ведёт человека, как у Пастернака. Невозможность выйти из этого поезда, как у героя Венедикта Ерофеева. И разговор с самим собой о том, зачем мы живём и куда мы движемся.

Метафора жизненного пути зашита во все те образы, о которых я говорил. Куда мы движемся или вся наша жизнь есть кольцевое движение вокруг отсутствующей цели? Про это все русские путешествия. Не о пространстве и даже не о времени, но о том, зачем мы живём, куда, от чего уходим, к чему стремимся и найдём ли когда-нибудь этот ответ. Это есть и у Сорокина в его произведении «Лёд», и в «ЖД» Быкова, и во многих других произведениях современной русской литературы, которые так или иначе аукаются со всеми огнедышащими драконами. Этот вопрос задаёт себе герой великой песни Бориса Гребенщикова, который тоже мчится на поезде: «Этот мир охвачен огнём, эта земля была нашей, пока мы не увязли в борьбе, она умрёт, если будет ничьей, пора вернуть эту землю себе». Это путешествие к самому себе, к своей земле, которая стала чужой. Это и есть русское путешествие сквозь время и пространство. ■

